

УДК 94(47)“1917/1920”

Р. Р. Магомедов

Л. В. Гришакова

Продовольственная политика большевиков и мешочничество на Южном Урале в годы гражданской войны

В статье предпринята попытка на основе анализа продовольственной политики большевиков показать возникновение мешочничества как социального явления на Южном Урале, который являлся одним из производящих регионов в годы гражданской войны. Авторами на материалах из центральных и местных архивов показано, что ситуация, сложившаяся с продовольствием в губерниях Южного Урала в рассматриваемый период, явилась отражением общей картины со снабжением хлебом в стране.

Ключевые слова: гражданская война, мешочник, нелегальное снабжение, большевики, хлебная монополия, продрозверстка, твердые цены.

Традиционно в советской исторической литературе политику большевиков в снабжении населения промышленных городов продовольствием в годы гражданской войны оправдывали сложившейся чрезвычайной и катастрофической ситуацией в стране. Особо подчеркивалась роль продовольственных отрядов, советских и партийных органов на местах, их бескомпромиссность в отношении крестьян в проведении политики партии. Более того, исследователи, доказывая безальтернативность советской большевистской системы заготовок хлеба, на основе анкетных данных членов продотрядов показывали, что В. И. Ленин организовал «крестовый» поход лучшей части рабочего класса и партии на борьбу с голодом, который стал главной угрозой для советской власти [2, 3, 10, 37].

Фактически в исторической науке эта сторона советской действительности была героизирована, и казалось, что она по своей объективности освещения не вызывает никаких сомнений.

Новая познавательная ситуация, сложившаяся в отечественной исторической науке в начале 90-х годов прошлого века, определила новые подходы к изучению проблемы снабжения продовольствием населения страны в годы гражданской войны, что стимулировало появление новых исследований, характеризующихся комплексным охватом всех сторон этой темы [7, 8, 9, 35, 36, 38].

Осенью 1917 года в России резко усилился продовольственный кризис. В особенно бедственном положении находились Москва и Петроград. На 3 ноября 1917 года норма выдачи продуктов в Петрограде на одного человека составила $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день. Ситуация в действующей армии была еще хуже. В первой половине октября она получила всего лишь 13,1% муки от количества, намеченного планом, 11,6% — крупы и 24,4% — фуража [15, с. 331]. В этой обстановке в январе 1918 года I Всероссийский продовольственный съезд объявляет о централизации всего продовольственного дела в стране и проведении государственных заготовок на основе хлебной монополии. Эта идея была не нова и не являлась чисто большевистским инструментом решения хлебной проблемы. В годы Первой мировой войны Россия и Германия осуществляли хлебозаготовки централизованно, для чего там были созданы специальные аппараты заготовок и распределения. В. И. Ленин еще до прихода к власти хлебную монополию, хлебную карточку и всеобщую повинность определил главным оружием борьбы с голодом и хозяйственной разрухой.

Законотворческая деятельность большевистской власти в продовольственном деле свидетельствует о том, что Советское государство в годы гражданской войны неуклонно

© Магомедов Р. Р., Гришакова Л. В., 2015

и последовательно занималось созданием и укреплением своей системы хлебозаготовок, основанной на нерушимости хлебной монополии, твердых ценах на продовольствие и предметы первой необходимости. Жесткость со стороны государства в отношении хлебодержателей усиливалась пропорционально нарастающей угрозе власти большевиков по мере обострения продовольственного вопроса. Декретом ВЦИК и СНК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» от 13 мая 1918 года в Советской России вводилась продовольственная диктатура. Этот документ подтвердил незыблемость государственной хлебной монополии и твердых цен на хлеб и объявлял врагами народа всех тех, кто прятал хлеб: они подлежали преданию революционному суду и лишению свободы [11, с. 261—263]. Декрет был направлен на дальнейшее усиление роли государства в снабжении населения продовольствием. Наркомпрод наделялся чрезвычайными полномочиями для решения продовольственного кризиса вплоть до применения вооруженной силы против тех, кто саботировал продовольственную политику государства. Все директивы Наркомпрода являлись обязательными для учреждений и организаций всех других ведомств и подлежали безотлагательному выполнению.

В. И. Ленин на этом не останавливается. Он призывает рабочих, «неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков», организовать «крестовый» поход в деревню за хлебом [16, с. 363]. Успех предпринимаемых шагов в решении продовольственного дела руководитель большевиков видел в организации сельских пролетарских и полупролетарских элементов, в развитии социалистической революции в деревне. В мае 1918 года орган ЦК партии большевиков «Правда» писала: «В чем смысл и польза учрежденной продовольственной диктатуры? В том, чтобы опереться на беднейшее крестьянство, в том, чтобы при его помощи диктаторски принудить деревенских богатеев, деревенскую буржуазию отдать голодающему народу... огромные излишки хлеба» [27]. Народный комиссар по продовольствию А. Д. Цюрупа в телеграмме, адресованной продколлегии Мензелинского уезда Уфимской губернии, потребовал беспощадно бороться с кулаками и «богатыми» за хлеб, организуя бедноту и опираясь на нее [33, л. 226].

Продовольственная разверстка как основной метод осуществления государственных хлебных заготовок была узаконена декретом СНК от 11 января 1919 года. На основе этого закона 13 января 1919 года Наркомпрод принял постановление «О порядке разверстки подлежащих отчуждению хлебов и фуража», в котором определялись порядок и техника разверстывания по губерниям, уездам, волостям и селам. Излишками считалось то, что нужно было государству по плану Наркомпрода. В письме ЦК большевистской партии «К продовольственной кампании» всем губкомам РКП(б) указывалось: «Разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» [14]. Кроме того, специальным декретом был значительно расширен ассортимент продовольственных товаров, на которые отныне распространялась государственная монополия.

Правда, В. И. Ленин и его соратники предлагали и экономические меры для повышения темпов государственных хлебных заготовок. Об этом свидетельствует декрет СНК от 26 марта 1918 года «О товарообмене для усиления хлебных заготовок». Согласно этому документу все предприятия, занятые производством промышленных предметов массового потребления (ткани, нитки, галантерея, обувь, спички, мыло и т.д.), должны были их передать по твердым ценам Наркомпроду. Он в свою очередь должен был их обменять на хлеб и другие продовольственные продукты, заготавливаемые по государственному плану. Однако в рассматриваемый период из-за разрухи в промышленности и на транспорте большевистская власть оказалась не в состоянии наладить правильный продуктообмен. В 1918 году промышленные товары, отпущенные на обмен хлеба, покрывали нужды кре-

стьян на 10—15% [16]. В 1920 году в Советской России выпуск промышленной продукции составил лишь седьмую часть довоенного производства [4, с. 13].

До критического уровня дошел выпуск сельскохозяйственного инвентаря. В 1920 году по сравнению с 1913 годом было произведено: борон — 2,6%, жаток и косилок — 2,3%, молотилок — 1,2%, сеялок и сортировок — 3,3% [6]. Продовольственный комиссар Уфимской губернии М. В. Котомкин признавал, что в 1919 году «заготовительная кампания проходила при незначительном количестве товаров» [41, л. 61]. Особенно последовательно проводили курс Наркомпрода продовольственные отряды, посланные из центра. Так, на требование крестьян Порфирьевской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии компенсировать изъятый хлеб предметами первой необходимости комиссар продовольственного отряда заявил: «Не давали бы, кто вас заставлял. Я бы пулеметами и штыками взял, а если кто будет упрекать, то всех заморю голодом» [42, л. 57]. Аналогичная ситуация с продуктообменом сложилась и в 1920 году. В условиях войны с Польшей весь имеющийся в наличии запас мануфактуры советским правительством был забронирован для нового фронта. В губернские центры Южного Урала с мест сообщали, что главной причиной отказа крестьян выполнять продразверстку является отсутствие у государства возможности обменивать хлеб на промышленные товары. Даже 50% стоимости заготовленного по продразверстке хлеба не было компенсировано промышленными товарами [3, с. 59].

Более того, хлебозаготовительные планы составлялись исходя из потребностей государства, а не из возможностей крестьянских хозяйств. В новой хлебной кампании, начатой в августе 1920 года, Наркомпродом планировалось заготовить 432 041 000 пудов хлеба, что на 112 625 859 пудов больше планового задания 1919 года. Однако Наркомпрод оказался не в состоянии выполнить указанную разверстку. «Засуха сильно отразилась на неурожае текущего года. Общий сбор хлебов предполагается ниже предыдущих годов», — так характеризовал ЦК РКП(б) ситуацию, сложившуюся в стране к началу нового продовольственного года. В этой обстановке большевики понимали, что придется прибегнуть к самым жестким мерам в отношении хлебодержателей. В письме ЦК РКП(б), адресованном губкомам партии, подчеркивалось, что разверстка, назначенная на губернии, является боевым приказом, который должен быть ими выполнен: «Никакие отступления и задержки во взимании разверстки, ни под каким предлогом не могут быть допущены» [14]. Член коллегии Наркомпрода В. В. Осинский писал В. И. Ленину: «При нынешнем неурожае, «животном» страхе крестьян отдать хлеб (это уже не частнособственнический саботаж) его буквально придется вырывать с кровью» [25, с. 11].

Однако массовый террор, развязанный новой властью на местах в период гражданской войны, не принес положительного результата. В состоянии продовольственного кризиса страна находилась до перехода к нэпу. Ленин в мае 1918 года писал: «Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерным маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август» [16, с. 359]. Из Ярославля в Москву шли тревожные сообщения: «...В мае голодающим выдано только 0,62 фунта. Необходимо принятие мер. Промедление погубит все» [12, с. 44; 30, л. 48]. Как особо тревожную продовольственную обстановку в стране характеризуют в письмах, адресованных председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину в разные периоды гражданской войны. В июне 1918 года заместитель председателя Орловского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов писал ему, что «народ ужасно голодает, получает ¼ фунта овсяного хлеба... горького, ядовитого. Дети мрут... Деторождение сведено до минимума...» [5, с. 49]. В декабре 1919 года А. К. Плохих, житель Екатеринбургской губернии, главе правительства России докладывал, что «рабочие Урала сидят без хлеба и соли и есть случаи из-за этого

лишения себя жизни, слез и горя масса, а главное удивительно то, что все эти люди живут у хлеба и не могут его получить...» [26, с. 136].

Судя по письмам корреспондентов, положение в стране не изменилось и летом 1920 года. Крестьянин И. Н. Федосеев из Тульской губернии писал в ЦК РКП(б) следующее: «Крестьяне уже давно без куска хлеба и страшно голодают и питаются травой, хлеб готовят из жмыха, овсянки с крапивой, щавелем и опилками от дров» [26, с. 189].

В ситуации кризиса заготовительной системы и товарного голода в стране были созданы условия для возникновения мешочничества — нелегального снабжения населения хлебом и предметами промышленного производства. Оно стало массовым социальным явлением в годы гражданской войны. Правда, В. И. Ленин называет несколько иные причины порождения мешочничества. В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» он подчеркивает, что в лице крестьянского мелкотоварного хозяйства сохраняется широкая, имеющая глубокие и прочные корни база капитализма, на которой он возрождается в ожесточённой борьбе с коммунизмом (мешочничество и спекуляция против государственного распределения продуктов) [17, с. 272]. На самом деле мешочники вовсе не были спекулянтами. Анонимный автор в письме В. И. Ленину в феврале 1918 года писал: «Быть может, вы думаете, что я пишу как СПЕКУЛЯНТ (так в тексте. — Р. М., Л. Г.), но нет — я солдат, приехавший с фронта и увидевший свою семью в таком положении, то вполне понятно, что заговорит злоба, ибо, страдавши на фронте, приходится смотреть, как голодают маленькие дети» [26, с. 54].

Социальная база мешочничества была представлена фактически всеми слоями российского общества. Это прежде всего крестьяне, которые составляли 85—90% населения страны, и городское население, в том числе рабочие крупных, средних и мелких промышленных предприятий. Географию мешочничества составляла вся страна.

Невзирая на строжайшие запреты советской власти, в годы гражданской войны вольные рынки продолжали функционировать в Москве — знаменитая Сухаревка, Петрограде и в регионах России на уровне губернских, уездных городов и волости. Они действовали, несмотря на то что власти их периодически закрывали. Сотни тысяч рабочих и других обывателей городов с промышленными товарами для обмена ездили в производящие регионы за хлебом. В ноябре 1917 года в Челябинском уезде Оренбургской губернии пребывало от 10 до 15 тысяч мешочников. Объемы хлеба, вывезенного из губернии, были несравнимы с теми, что собрали официальные органы советской власти. Только из Челябинского уезда до января 1918 года мешочниками было вывезено более 2,5 млн. пудов пшеницы и муки, в то время как продовольственными органами было отправлено в центр 1 724 965 пудов [19, с. 26]. Оренбургская губерния не явилась исключением. В Уфимской губернии заготовки хлеба вели представители Владимирской, Рязанской, Симбирской, Смоленской губерний. В конце января 1918 года в Уфе была получена телеграмма, в которой говорилось, что в губернию едут 500 мешочников [32, л. 14]. В конце мая из Уфы в Северную областную продовольственную управу сообщили: «Массовое нашествие мешочников сильно препятствует заготовкам и отправкам. Пароходы переполнены мешочниками» [13, с. 24]. В отчете Уфимского бюро эмиссаров в марте 1918 года отмечалось, что «спекулянты и мешочники скупают и развозят массу учтенного и не учтенного хлеба» [10, с. 21].

Документы местных архивов не дают в полной мере восстановить масштабы мешочничества на Южном Урале в годы гражданской войны. Они крайне разрозненны. Требуется скрупулезная работа по их выявлению и последующему анализу и обобщению. Однако документы, которыми мы располагаем, позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на террор государства в отношении хлебодержателей и тех, кто у них приобретал

продукты по рыночным ценам или в обмен на изделия промышленности, мешочничество стало распространенным явлением на Южном Урале в годы гражданской войны. Так, в декабре 1919 года в отчете Челябинского губпродкома указывалось на то, что свободный рынок в Троицке, который является крупным потребляющим центром, отрицательно влияет на осуществление государственных заготовок [20, л. 52].

Убийство комиссара и двух бойцов продовольственного отряда 12 января 1920 года в Уфимской губернии крестьяне объясняли решением комиссара закрыть местный рынок и изданием приказа о добровольной сдаче ими своего товара в пользу государства [42, л. 19—20]. В ходе хлебозаготовительной кампании 1920—1921 гг. коммунистическая ячейка станицы Татищево Оренбургско-Тургайской губернии (губерния образована в июле 1920 г. объединением Оренбургской и Тургайской губерний, а также Темирского уезда Уральской области. — *Р. М., Л. Г.*) принимает постановление, в котором подчеркивалось: «...Принимать самые решительные меры по выкачке хлеба и вести беспощадную борьбу со спекуляцией...» [39, л. 60]. Челябинский губпродком принял постановление, обязывающее заградительные отряды, местные советы, милицию и население задерживать всех приезжающих в губернию для скупки хлеба. Отдельным пунктом предписывалось обложить дополнительной разверсткой, равной количеству проданного мешочникам хлеба, тех лиц, которые нарушили настоящее постановление [22, л. 5].

О том, что мешочничество стало социальным явлением в масштабе страны, свидетельствует письмо заместителя народного комиссара юстиции Стучки, отправленное всем губисполкомам в ноябре 1920 года. В частности, в нем подчеркивалось, что преступления и нарушения в продовольственной области приняли массовый характер. Она имела в виду прежде всего уклонение крестьян от выполнения разверсток, производство самогона и спекуляцию хлебом [23, л. 54].

Цены на хлеб на вольном рынке стимулировали увеличение масштабов нелегального снабжения населения продовольствием. В декабре 1917 года рыночная цена одного пуда хлеба в Оренбургской губернии составляла 17—20 рублей, а в Златоустовском уезде Уфимской губернии — 30—35 рублей [31, л. 3], в то время как государственная твердая цена — 5 рублей 30 копеек [1, с. 6].

«Часть населения, имевшая хлеб, экономически заинтересована в продаже хлеба на вольных рынках, которых очень много», — сообщалось в отчете Уфимской уездной продовольственной коллегии в июне 1918 года [33, л. 226]. Об этом же в рассматриваемый период писали в многочисленных письмах, заявлениях, жалобах, доносах, адресованных В. И. Ленину [26, с. 54, 147, 164, 188].

Большевики были последовательны в своей политике монополии государства на хлеб. Их вождь В. И. Ленин в марте 1920 года особо подчеркивал, что «нашей задачей в отношении к... мелкобуржуазным собственникам, к мелким спекулянтам, число которых миллион и которые, владея излишками хлеба, думают, что... чем сильнее голод, тем выгоднее этим держателям хлеба, — наше отношение к ним есть отношение войны» [18, с. 198].

Архивные источники свидетельствуют о том, что отношения между большевистской властью и теми, кто занимался нелегальным снабжением населения, никак нельзя назвать иначе как состояние конфликта, переходящего зачастую в форму открытой вооруженной конфронтации.

Анализируя состояние продовольственной работы в Уфимской губернии весной 1918 года, Наркомпрод подчеркивал: «Реквизиционные отряды хлеба добывают мало. Кровавые столкновения на почве реквизиций стали обычным явлением» [12, с. 32]. 18 января 1918 года на железнодорожной станции Челябинск произошло вооруженное столкновение между заградительными отрядами и мешочниками численностью 600 человек [1, с. 11].

Продовольственная диктатура, введенная большевиками в мае 1918 года, по сути, спровоцировала гражданскую войну и значительно расширила ее географию на Южном Урале. Весной и летом 1918 года три уезда Уфимской губернии и вся северная область Оренбургской губернии были охвачены восстаниями. Накал противостояния власти и населения отражен в воспоминаниях одного из очевидцев этих событий: «Деревня за деревней выходила с ружьями, с вилами, возникли крестьянские штабы, руководившие восстанием, появилась знаменитая конница. Вооруженная одними косами, но смело выступившая против винтовок и пулеметов и вооружившаяся потом захваченным в бою оружием» [28, с. 123].

Аналогичной была ситуация в регионах Южного Урала и в периоды хлебозаготовительных кампаний 1919—1920 гг. и 1920—1921 гг. Так, в конце февраля 1920 года в четырех уездах Уфимской губернии начались открытые волнения, вызванные недовольством населения хлебными реквизициями. Численность восставших составила около 26 тысяч человек. Восстание имело широкую социальную опору на местах. Член ЦК РКП(б) Артем Сергеев, характеризуя политическую ситуацию в Уфимской губернии, говорил: «У нас имеется восстание, но нет боев. Очевидно, что мы имеем дело с массовым движением, имеющим глубокие корни, которые мы произвели... Здесь нет слоев, поддерживающих Советскую власть» [40, л. 5].

Осенью 1920 года крестьянские восстания произошли в Краснохолмском, Исаево-Дедовском, Шарлыкском и других районах Оренбургско-Тургайской губернии [29, л. 85]. Социальные волнения имели место и в Челябинской губернии. В Курганском уезде было убито 14 продовольственных работников [24, л. 51]. Все эти восстания были подавлены вооруженным путем.

Однако в моменты наибольшего обострения продовольственного вопроса, усиления социального роптания в обществе и потенциальной угрозы своей власти большевики закрывали глаза на существование нелегального снабжения продовольствием в стране. В те годы широкое хождение имела частушка:

Ленин Троцкому сказал:
«Пойдем, товарищ, на базар.
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию» [34].

Более того, сама власть в определенные периоды гражданской войны на короткие сроки разрешала населению скупать хлеб по рыночным ценам. Так, из-за необходимости стабилизировать политическую ситуацию в Челябинской губернии, которая осенью 1919 года являлась прифронтовой полосой, продовольственные органы на ее территории осуществляли заготовки продовольствия методом «самотека», т.е. государство у крестьян отчуждало лишь часть хлеба, другую ее владельцы могли продать по рыночным ценам.

Однако по мере распространения и укрепления советской власти на местах самотек Наркомпродом был признан неприемлемым в использовании как метод заготовки хлеба. В одной из телеграмм за подписью ответственного работника Наркомпрода Смирнова в адрес Челябинского губисполкома и губпродкома указывалось о нецелесообразности осуществления государственных заготовок хлеба методом «самотека» и товарообмена. Наоборот, подчеркивал он, хлеб можно получить только путем систематического нажима на деревню. Смирнов призывал советских и продовольственных работников максимально использовать для выполнения продразверстки реквизиционные и продовольственные отряды, чекистов, шире использовать возможности прессы для публикации списка

арестованных членов местных советов, несогласных с политикой центра. И наконец, он требовал от них реквизиции всего наличного продовольственного запаса и скота у той части сельского населения, которая сопротивляется политике Наркомпрода [21, л. 32]. Приказом губревкома от 31 декабря 1919 года на территории Челябинской губернии официально была запрещена свободная продажа хлеба [20, л. 52].

Таким образом, мы видим, что в годы гражданской войны большевиками была создана централизованная, хорошо структурированная система заготовок хлеба. На Южном Урале продовольственные органы стали частью этой системы, которая была значительно усилена продовольственными отрядами из центра, местным советским и коммунистическим активом, силами ЧК и милиции.

Однако эти силы, невзирая на насилие в отношении крестьян, оказались не в состоянии обеспечить последовательность в проведении продовольственной политики большевиков в губерниях региона.

Нелегальное снабжение населения хлебом — мешочничество — нашло широкое распространение на Южном Урале. В определенные периоды гражданской войны объемы нелегальных заготовок хлеба на территории губерний региона значительно превышали государственные реквизиции продовольствия. Несмотря на государственный террор в отношении хлебодержателей, вольный рынок на Южном Урале существовал до перехода к нэпу.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамовский А. П., Половинко В. П. Борьба уральских большевиков за обеспечение рабочего класса продовольствием в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 — март 1918 гг.) // Борьба партийных организаций Урала за развитие тяжелой промышленности в период строительства социализма / Челябин. пед. ин-т. Челябинск, 1978. Вып. 1. С. 3—16.
2. Антонов А. Л. Коммунисты Урала в борьбе за хлеб в 1918 г. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Ученые записки Челябинского государственного педагогического института. Челябинск, 1967. Вып. 2. С. 48—66.
3. Гимпельсон Е. П. Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М., 1973. 246 с.
4. Гимпельсон Е. П. Сквозь бури гражданской войны — по пути к социализму: в помощь лектору. М., 1988. 48 с.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1997. 328 с.
6. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 5556. Оп. 1. Д. 57.
7. Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3.
8. Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917—1921. СПб., 2007.
9. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг. Мешочники. СПб., 2002. 341 с.
10. Давыдов М. И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917—1920). М., 1976. 221 с.
11. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. 686 с.
12. Известия Народного Комиссариата по продовольствию. М., 1918. № 4—5.
13. Известия Народного Комиссариата по продовольствию. М., 1918. № 6—7.
14. Известия ЦК РКП(б). 1920. 4 сент.
15. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). М., 1985. 384 с.
16. Ленин В. И. О голоде (письмо к питерским рабочим) // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 357—364.
17. Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 39.
18. Ленин В. И. Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 195—202.
19. Магомедов Р. Р. Поход за хлебом. История продовольственной политики государства на Южном Урале в первые годы советской власти. Оренбург, 2006. 152 с.

20. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 52.
21. ОГАЧО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 72.
22. ОГАЧО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 80.
23. ОГАЧО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 101.
24. ОГАЧО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 119.
25. Павлюченков С. Почему вспыхнула «антоновщина»? // Неделя. 1989. № 44.
26. Письма во власть. 1917—1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998. 664 с.
27. Правда. 1918. 12 мая.
28. Подшивалов И. Гражданская война на Урале. 1917—1918 гг. М., 1925. 221 с.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 12. Д. 254.
30. РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 2.
31. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 3. Д. 43.
32. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 264.
33. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 266.
34. Сидит Ленин на березе, держит серп и молоток... Политические частушки 20 века [Электронный ресурс]. URL: <http://hauptpostamt.livejournal.com/150935.html>
35. Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. 314 с.
36. Сафонов Д. А., Лабузов В. А. Продразверстка 1916/1917 и 1919/1921 годов на Южном Урале: попытка ретроспективного анализа // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Оренбург, 2003. С. 159—177.
37. Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917—1921 гг. М., 1973. 319 с.
38. Хазиев Р. А. Военный коммунизм и рынок на Урале: региональный феномен выживания «оппозиционной» экономики // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 6. С. 104—107.
39. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.
40. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.
41. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105а.
42. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204.

Поступила в редакцию 12.11.2015 г.

Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: rr-magomedov@yandex.ru

Гришакова Лариса Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: larisa1789@mail.ru

UDC 94(47)“1917/1920”

R. R. Magomedov

L. V. Grishakova

Food policy of the Bolsheviks and private speculation in the Southern Urals during the Civil War

In the present article an attempt is made on the basis of the analysis of food policy of the Bolsheviks to show the occurrence of private speculation as a social phenomenon in the southern Urals, which was one of the producing regions during the Civil War. Using the materials from Central and local archives the authors show that the situation with food security in the provinces of the southern Urals in the period under review reflected the overall picture with the supply of bread in the country.

Key words: Civil War, ‘meshochnik’ (speculators), illegal supply, the Bolsheviks, grain monopoly, requisitioning, fixed prices.

Magomedov Ramazan Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: rr-magomedov@yandex.ru

Grishakova Larisa Valeryevna, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: larisa1789@mail.ru

References

1. Abramovskiy A. P., Polovinko V. P. Borba uralskikh bolshevikov za obespecheniye rabocheho klassa prodovolstviyem v pervyye mesyatsy Sovetskoy vlasti (oktyabr 1917 — mart 1918 gg.) [Fighting Ural Bolsheviks for providing food to the working class in the first months of the Soviet regime (October 1917 — March 1918)]. In: *Borba partinykh organizatsiy Urala za razvitiye tyazheloy promyshlennosti v period stroitelstva sotsializma / Chelyab. ped. in-t* [The struggle of the party organizations of the Urals for the development of heavy industry in the period of socialism building]. Chelyabinsk, 1978, vol. 1, pp. 3-16.
2. Antonov A. L. Kommunisty Urala v borbe za khleb v 1918 g. [Ural Communists in the struggle for bread in 1918]. In: *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zauralya. Uchenyye zapiski Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [From the history of the Southern Urals and Trans. Scientific notes of Chelyabinsk State Pedagogical Institute]. Chelyabinsk, 1967, vol. 2, pp. 48-66.
3. Gimpelson E. P. *Voyennyy kommunizm: politika, praktika, ideologiya* [War Communism: policies, practices, ideology]. Moscow, 1973. 246 p.
4. Gimpelson E. P. *Skvoz buri grazhdanskoy voyny — po puti k sotsializmu: v pomoshch lektoru* [Through the storm of the Civil War — on the way to socialism: to help the lecturer]. Moscow, 1988. 48 p.
5. *Golos naroda. Pisma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918—1932 gg.* / otv. red. A. K. Sokolov [The voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918—1932 gg. / ed. A. K. Sokolov]. Moscow, 1997. 328 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti*. F. 5556. Op. 1. D. 57.
7. Davydov A. Yu. Meshochnichestvo i sovetskaya prodovolstvennaya diktatura. 1918—1922 gody [Private speculation and Soviet food dictatorship. 1918—1922 years]. *Voprosy istorii*, 1994, no 3.
8. Davydov A. Yu. *Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917—1921* [Speculators and dictatorship in Russia. 1917—1921]. St. Petersburg, 2007.
9. Davydov A. Yu. *Nelegalnoye snabzheniye rossiyskogo naseleniya i vlast. 1917—1921 gg. Meshochniki* [Illegal supply of the Russian population and the authorities. Of 1917—1921. Speculators]. St. Petersburg, 2002. 341 p.

10. Davydov M. I. *Borba za khleb. Prodovolstvennaya politika Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo gosudarstva v gody grazhdanskoy voyny (1917—1920)* [Struggle for bread. Food policy of the Communist Party and the Soviet state during the Civil War (1917—1920)]. Moscow, 1976. 221 p.
11. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of Soviet power]. Moscow, 1959. Vol. 2. 686 p.
12. *Izvestiya Narodnogo Kommissariata po prodovolstviyu* [News of the People's Commissariat for Food]. Moscow, 1918, no 4—5.
13. *Izvestiya Narodnogo Kommissariata po prodovolstviyu* [News of the People's Commissariat for Food]. Moscow, 1918, no 6—7.
14. *Izvestiya TsK RKP(b)* [News of the RCP(b)], 1920, 4 sept.
15. Kitanina T. M. *Voyna, khleb i revolyutsiya: (Prodovolstvennyy vopros v Rossii. 1914 — oktyabr 1917 g.)* [War, revolution and bread (food problem in Russia. 1914 — October 1917)]. Moscow, 1985. 384 p.
16. Lenin V. I. *O golode (pismo k piterskim rabochim)* [About hunger (letter to the Petrograd workers)]. In: Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 36, pp. 357-364.
17. Lenin V. I. *Ekonomika i politika v epokhu diktatury proletariata* [Economics and politics in the era of the dictatorship of the proletariat]. In: Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 39.
18. Lenin V. I. *Rech na zasedanii Moskovskogo Soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov 6 marta 1920 g.* [Speech at the meeting of the Moscow Soviet of Workers and Soldiers Deputies of March 6, 1920]. In: Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 40, pp. 195-202.
19. Magomedov R. R. *Pokhod za khlebom. Istoriya prodovolstvennoy politiki gosudarstva na Yuzhnom Urale v pervyye gody sovetskoy vlasti* [Searching for bread. The history of food policy in the Southern Urals in the first years of Soviet power]. Orenburg, 2006. 152 p.
20. *Obyedinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)* [United State Archive of Chelyabinsk Region]. F. R-20. Op. 1. D. 52.
21. OGACHO. F. R-20. Op. 1. D. 72.
22. OGACHO. F. R-20. Op. 1. D. 80.
23. OGACHO. F. R-20. Op. 1. D. 101.
24. OGACHO. F. R-20. Op. 1. D. 119.
25. Pavlyuchenkov S. *Pochemu vspykhнула “antonovshchina”?* [Why “Antonovshchina” broke out?]. *Nedelya*, 1989, no 44.
26. *Pisma vo vlast. 1917—1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pisma v gosudarstvennyye struktury i bolshevistskim vozhdyam / sost. A. Ya. Livshin, I. B. Orlov* [Letters to power. 1917—1927. Applications, complaints, denunciations, letters to government agencies and the Bolshevik leaders, comp. by A. Ya. Livshin, I. B. Orlov]. Moscow, 1998. 664 p.
27. *Pravda*, 1918, 12 May.
28. Podshivalov I. *Grazhdanskaya voyna na Urale. 1917—1918 gg.* [The Civil War in the Urals. Of 1917—1918]. Moscow, 1925. 221 p.
29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 12. D. 254.
30. RGASPI. F. 158. Op. 1. D. 2.
31. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economy]. F. 1943. Op. 3. D. 43.
32. RGAE. F. 1943. Op. 3. D. 264.
33. RGAE. F. 1943. Op. 3. D. 266.
34. *Sidit Lenin na bereze, derzhit serp i molotok... Politicheskije chastushki 20 veka* [Lenin sits on the bank, holding a sickle and a hammer... Political limericks of the 20th century]. (In Russ.). Available at: <http://haupt-postamt.livejournal.com/150935.html>
35. Safonov D. A. *Velikaya krestyanskaya voyna 1920—1921 gg. i Yuzhnyy Ural* [Great Peasant War of 1920—1921 and the Southern Urals]. Orenburg, 1999. 314 p.
36. Safonov D. A., Labuzov V. A. *Prodravzverstka 1916/1917 i 1919/1921 godov na Yuzhnom Urale: popytka retrospektivnogo analiza* [Prodravzverstka 1916/1917 and 1919/1921 years in the Southern Urals: an attempt of retrospective analysis]. In: *Trudy instituta krestyanovedeniya Yuzhnogo Urala* [Proceedings of the Institute of Southern Urals peasantry studies]. Orenburg, 2003, pp. 159-177.
37. Strizhkov Yu. K. *Prodovolstvennyye otryady v gody grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii 1917—1921 gg.* [Food troops during the Civil War and foreign intervention of 1917—1921]. Moscow, 1973. 319 p.
38. Khaziyev R. A. *Voyenny kommunizm i rynek na Urale: regionalnyy fenomen vyzhivaniya “opozitsionnoy” ekonomiki* [War Communism and the market in the Urals: regional phenomenon of the survival of “the opposition” Economy]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye / pod red. L. I. Borodkina* [Economic History. Review, ed. by L. I. Borodkin]. Moscow, 2001, vol. 6, pp. 104-107.

39. *Tsentr dokumentatsii noveychey istorii Orenburgskoy oblasti* [Documentation Centre of the modern history of the Orenburg region]. F. 1. Op. 1. D. 155.
40. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* (NA RB) [National Archive of Bashkortostan]. F. 1. Op. 1. D. 103.
41. NA RB. F. 1. Op. 1. D. 105a.
42. NA RB. F. 1. Op. 1. D. 204.